

Знаменитый скакунъ „Флореалъ“.
(Къ пятнадцатилѣтію скакового дѣла Е. М. и М. И. Лазаревыхъ).

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 5. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ. 1 МАРТА 1914 г.

„ЯРОПОЛЕЦЪ".

А. С. Пушкинъ писалъ 21-го августа 1833 г. женѣ:

— „Я пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда я прибылъ благополучно изъ Ярополца. Въ Ярополецъ прибылъ я въ среду поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня, какъ нельзя лучше";

и далѣе:

— „ей хотѣлось бы очень, чтобы ты будущее лѣто провела у нея. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разрушенномъ дворцѣ и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки, Дорошенки, къ которому я ходилъ на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопримѣчательности Ярополца. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила выбрать мнѣ нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и придутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ".

Прочитавъ это, я, заинтересовавшись, обратился къ историкамъ Малороссіи, гдѣ и нашелъ указанія, что Дорошенко умеръ бездѣтнымъ.

Гончаровскій домъ въ Ярополыцѣ (зимою).

О какихъ же потомкахъ говоритъ Пушкинъ?

Тогда я отправился къ моему другу въ Москву, украинскому историку, профессору Д. И. Эварницкому, и спросилъ его.

Въ отвѣтъ на это, Д. И. предложилъ мнѣ поѣхать къ дочери покойнаго поэта — Маріи Александровнѣ Гартунгъ.

Получивъ отъ М. А. нѣкоторыя свѣдѣнія и письмо къ ея племянницѣ Еленѣ Борисовнѣ Гончаровой, мы въ тотъ же день выѣхали въ село Ярополецъ, гдѣ погребенъ гетманъ Дорошенко.

Ярополецъ, находящійся въ 20 вер. отъ Волоколамска, принадлежитъ Гончаровымъ.

Владѣлица его познакомила насъ съ нѣкоторыми родовыми документами, доказывавшими происхожденіе рода Гончаровыхъ отъ Дорошенки.

Дивный дворецъ, выстроенный кѣмъ-то изъ архитекторовъ времени Елизаветы Петровны, при владѣльцѣ Ярополыца А. А. Загряжскомъ.

Чудный дворецъ еще дорогой тѣмъ, что въ немъ не разъ гостилъ А. С. Пушкинъ.

И теперь, въ старомъ саду, живописно брошенномъ по берегу р. Ламы, цѣла густая липовая аллея, называемая Пушкинской. Покойный поэтъ, по преданіямъ, очень любилъ эту аллею.

Я любовался дворцомъ, этимъ интереснѣйшимъ зданіемъ съ его колоннадой и лѣпными работами снаружи, съ его высокими комнатами, съ его залой, украшенной удивительно стильной люстрой и старинной мебелью, со стѣнами, расписанными пейзажами, съ громадными изразцовыми каминами.

А кругомъ дворца высокія красныя стѣны, съ рядомъ громадныхъ, причудливыхъ башенъ, производятъ впечатлѣніе древняго замка...

Предо мной тетрадка — описаніе Ярополыца, сдѣланное Ал. Н. Муравьевымъ, — помѣченная 26 августа 1835 г. Но въ тетрадкѣ этой много крупныхъ неточностей. Такъ, Дорошенко названъ „гетманомъ Запорожской Сѣчи“, хотя гетмановъ никогда не было въ Сѣчи. Смерть Дорошенки указана 1717 г., и это ошибка: на могилѣ его помѣченъ годъ 1698-й.

Село Ярополецъ большое, торговое. Базары бываютъ по пятницамъ, и сюда стекается множество народа изъ сосѣднихъ селеній. Часовенка, гдѣ похороненъ Дорошенко, какъ разъ посреди базара. Она обставлена кругомъ ларями торговцевъ. Часовенка эта выстроена впослѣдствіи, какъ мнѣ это передалъ старожилъ, Смолинъ.

Это типъ стараго русскаго богатыря. Ему уже девятый десятокъ, но онъ до сихъ поръ работаетъ и не прочь выпить. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ ямщикомъ, держалъ почтовую станцію и часто возилъ Нат. Ник. Пушкину изъ Ярополыца въ Клинъ.

— „А Пушкина ты зналъ?“ — спросилъ я его.

— „Да, видѣлъ здѣсь, когда онъ, женившись на Наталіи Николаевнѣ, пріѣзжалъ сюда, такъ всѣ гово-

рили: „Пушкинъ, Пушкинъ ирiѣхалъ!“ А кто такой Пушкинъ, тогда мы не знали. Уже потомъ узнали, что это знаменитый писатель. Мнѣ тогда было около двадцати лѣтъ, какъ сейчасъ помню — идутъ наши господа, а съ ними и Пушкинъ къ памятнику. А памятникъ, плита та самая, лежалъ на землѣ, вокругъ него были сдѣланы 4 столба на навѣсахъ и кругомъ стояли амбары, камни навалены были. Пушкинъ долго разбиралъ надпись, а потомъ и говоритъ нашему барину:

— „Иванъ Николаевичъ, слѣдовало бы почистить кругомъ, да часовенку сдѣлать“.

А баринъ, какъ сейчасъ помню, отвѣчаетъ:

— „Да, слѣдовало бы, сдѣлаю“...

Вскорѣ послѣ того, Иванъ Николаевичъ эту самую часовенку и сдѣлалъ“...

Теперь часовенка пришла въ ветхость и весной Е. Б. Гончарова предполагаетъ ее подновить, обнести рѣшеткой и засадить деревьями.

Жители села Ярополъца мало интересуются этимъ памятникомъ, и немногiе изъ нихъ знаютъ, кто похороненъ подъ этой плитой. На наши вопросы слѣдовали самые разнорѣчивые отвѣты: „донской атаманъ“, „запорожскiй гетманъ“, „изъ казаковъ какой-то баринъ“, а одинъ начитанный крестьянинъ отвѣтилъ:

— „Говорятъ, что гетманъ, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ таинственный монахъ, и книжки объ этомъ есть“.

Какъ бы тамъ ни было, а могилу гетмана нѣсколько лѣтъ назадъ пытались обокрасть. Тогда часовня не запиралась—и подъ камнемъ съ внутренней стороны былъ сдѣланъ глубокiй подкопъ, вынуты были человѣческiя кости. Явилась полиция и судебныя власти, снова зарыли могилу, но преступника не нашли. Искалъ онъ, какъ говорятъ, золотой булавы, съ которой, будто бы, былъ схороненъ гетманъ.

Могила гетмана представляетъ собою большую каменную часовню съ круглымъ куполомъ надъ нею и съ желѣзной рѣшетчатой дверью, всегда запертой замкомъ. Обычно дверь въ часовню никогда не запиралась, но съ тѣхъ поръ, какъ могилу гетмана потревожили какiе-то мѣстные „кладоискатели“, искавшiе опять золотой булавы, она всегда заперта.

Внутри часовни надъ прахомъ гетмана лежитъ длинная гладкая известковая плита, имѣющая безъ двухъ вершковъ три аршина длины. Съ боку плиты, противъ изголовья, высѣчена небольшая сабля и ниже сабли въ красивой виньеткѣ вязью сдѣлана надпись: „Лѣта 7206 ноября въ 9-й день преставился рабъ Божiй гетманъ войска запорожскаго Петръ Дорофеевичъ Дорошенко, а поживе отъ рождества своего 71 годъ положенъ бысть на семъ мѣстѣ“.

Теперь памятникъ въ забросѣ, никто о немъ и не говоритъ.

Только старики еще вспоминаютъ иногда, что разсказывали ихъ предки.

Въ числѣ старыхъ людей нашлась интересная 70-лѣтняя старушка, Авдотья Кузминична, служившая въ домѣ Гончаровыхъ, бывшая ихъ крѣпостная. Она воспитанница Н. И. Гончаровой и служила Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной до ея замужества. Она помнила изъ разсказовъ служащихъ, какъ прiѣзжалъ Пушкинъ, и сама, въ дни юности, помнитъ, что были на старомъ тополѣ въ саду стихи, писанные Пушкинымъ.

Когда Д. И. Эварницкiй началъ ее разспрашивать про старину, она отвѣтила:

— „Это надо въ лѣтописяхъ искать, наша голова не постигаетъ“.

Между прочимъ, она припоминаетъ фактъ, памятный въ то время въ семьѣ Гончаровыхъ: когда Нат. Иван. вернулась со свадьбы А. С. Пушкина и дочери и вошла въ свою спальню, со стѣны сорвалось ея зеркало—трюмо и разбилось вдребезги.

— „Не пройдетъ это даромъ“,—сказала она, и всю жизнь вспоминала объ этомъ. А когда, впослѣдствiи, А. С. Пушкинъ былъ убитъ, она припомнила этотъ случай, надѣла на себя все черное и, не снимая траура до самой смерти, окончательно замкнулась въ Ярополъцѣ.

О Дорошенкѣ старушка мало говоритъ; она, погруженная въ жизнь Гончаровскаго дворца, мало интересовалась славнымъ гетманомъ, владѣльцемъ Ярополъца.

Вл. Гиляровскiй.

(Изъ поѣздки 1903 года).

УСАДЬБА ГОНЧАРОВЫХЪ.

„Я влюбленъ, я очарованъ
Словомъ, я огончарованъ“.
А. Пушкинъ.

Ярополецъ — это историческое село находится въ глуши Волоколамскаго уѣзда въ 20 верстахъ отъ станцiи жел. дороги. По народнымъ сказанiямъ, названiе его произошло отъ „Ярового поля“, изстари отведеннаго для содержанiя псарни московскихъ царей, охотившихся здѣсь. Въ народной молвѣ отмѣчается опредѣленно, что особенно часто любилъ здѣсь охотиться царь Алексѣй Михайловичъ...

Здѣсь часто бывалъ А. С. Пушкинъ и въ его письмахъ къ женѣ,—урожденной Н. Н. Гончаровой,—Ярополецъ упоминается, начиная съ 21 августа 1833 г., много разъ.

Помѣщичiй домъ Гончаровыхъ въ Ярополъцѣ построенъ лѣтъ полтораста тому назадъ, говорятъ, знаме-

Часовенка надъ могилой Дорошенки въ Ярополъцѣ (стоитъ около часовенки Вл. Гиляровскiй).

нашъ поэтъ. Съ ранней весны въ аллеѣ не замолкаютъ соловьиныя трели, по утрамъ и вечерамъ. Дворецъ обращенъ сюда строгимъ фасадомъ съ плоскими колоннами, а по обѣ стороны его высокая, кудрявая сѣнь парка. Прямо отъ величественнаго фасада начинается поляна, уступами нисходящая къ рѣкѣ.

Со стороны, противоположной саду, находится главный подъѣздъ дворца и фасадъ приковываетъ взглядъ чудесными деталями колоннъ, балконовъ и оконъ... А вдали по ту сторону широкаго двора,—огромныя зданія театра Гончаровыхъ и ткацкой мастерской крѣпостного времени... Въ глубинѣ — красивыя оранжереи, башенки и стѣны, ихъ соединяющія. У въѣзда передъ церковью двѣ высокія башни. Церковь туда вмѣстилась видимо, впослѣдствіи: она загораживаетъ общій видъ дворцовыхъ построекъ.

Еще лѣтъ 25 назадъ отъ башни и до середины села, гдѣ находится могила гетмана Дорошенко, тянулась вдоль дороги прекрасная каменная ограда саженъ на 150. Она была не выше двухъ аршинъ, но такая толстая, что въ распутицу крестьяне въ церковь и отъ церкви ходили по этой стѣнѣ.

Но покойнымъ владѣльцемъ стѣна эта была отдана на сломъ мѣстному трактирщику и теперь вмѣсто нея среди села стоитъ аляповатая, казарменная, двухъэтажная гостиница „Эрмитажъ", построенная изъ кирпича стѣны...

Въ сторону же противоположную отъ села усадьба Гончаровыхъ сливается съ садами и парками имѣнія графовъ Чернышевыхъ-Кругликовыхъ. И тамъ тоже не мало дремлющей красоты и сокровищъ искусства...

Между усадьбою Гончаровыхъ и крестьянскимъ селомъ Ярополыцемъ была замѣтная связь и у отцовъ, и у дѣтей. На школьныхъ праздникахъ и экзаменахъ бывали сестры Гончаровы (писанныя красавицы) со

нитымъ зодчимъ XVIII столѣтія Растрелли *). Заброшенный въ глушь и даль отъ столицы (отъ Москвы за 135 верстъ), онъ поражаетъ своимъ архитектурнымъ великолѣпіемъ и величавыми размѣрами, дающими ему видъ дворца... Окруженный прекраснымъ паркомъ, онъ возвышается на холмѣ около красиваго изгиба рѣки Ламы. По берегу ея стоятъ огромныя высокія березы, раскинувъ вѣтви надъ самой водой... Влѣво отъ дворца тянется въ глубь парка высокая, прямая и тѣнистая липовая аллея — „Пушкинская". Говорятъ, тутъ любилъ сидѣть подолгу

*) *Прим. ред.* Можно почти безошибочно утверждать, что эта постройка не Растрелли: характеръ постройки не его. Растрелли приписывается вдесятеро больше того, что онъ дѣйствительно построилъ...

Бюстъ гетмана Дорошенки въ Ярополыцѣ.

своимъ старшимъ братомъ, тогда земскимъ начальникомъ. Они улыбались хорошимъ отвѣтамъ учениковъ, дарили гостинцы и, помнится, шопотомъ подсказывали... И въ паркъ, и на барскій дворъ большіе и малые шагали смѣло. Большихъ тамъ выслушивали, давали совѣты, лѣкарства...

А захочется ребятишкамъ раздобыться копеечкой на гостинцы, они гурьбою отправляются на берегъ рѣки противъ дворца и принимаются съ гвалтомъ за ловлю раковъ. На шумъ ихъ являлись иногда и сами господа. Они вступали въ разговоръ съ ребятишками, принимали ихъ уловъ на кухнѣ дворца и дарили всегда серебромъ на гостинцы...

Проходили мимо села солдаты на маневры или послѣ нихъ; далеко за селомъ встрѣчали ихъ и гос-

пода и мужики; съ военною музыкою вмѣстѣ шли по селу прямо ко дворцу и тамъ толпились до ночи на лужайкѣ противъ балкона, на которомъ играли военные музыканты... Дворецъ оживалъ, сверкалъ огнями, военными мундирами, женской грацiей и трепетною красотою танца—блисталъ своимъ великолѣпiемъ, которое хранить въ себѣ онъ и созданъ былъ.

Могила гетмана Дорошенки находится посреди села. Когда-то здѣсь была церковь и въ ней-то похоронили гетмана подъ правымъ клиросомъ. Но благодаря близости высокаго крутого берега Ламы, подмываемаго водою, церковь отсюда перенесли къ усадьбѣ и на ея мѣстѣ остался кирпичный пьедесталъ и гробница гетмана. Надъ нею построена часовня, какъ говорятъ, по совѣту А. С. Пушкина.

Среди крестьянъ ходила легенда, что будто бы Дорошенко отсюда изъ ссылки скрылся и былъ участникомъ Полтавской битвы и что имъ именно раненъ въ ногу Карлъ XII передъ сраженiемъ. На эту тему есть даже лубочный романъ „Таинственный Монахъ", очень любимый мѣстнымъ населенiемъ. О томъ же, что Дорошенко скрывался въ монашеской рясѣ въ Межегорьѣ подъ Кiевомъ, говорится и у поэта Шевченко въ „Кобзарѣ". Но это было, видимо, до ссылки въ Ярополецъ. Пушкинъ въ письмѣ къ своей женѣ называетъ Дорошенко ея прадѣдушкой, а народная молва называетъ и сосѣдняго помѣщика графа Чернышева тоже потомкомъ гетмана, и очень оригинально объясняетъ происхожденiе самой фамилiи графа. Когда одинъ изъ предковъ теперешнихъ Чернышевыхъ былъ просто военнымъ служилымъ человѣкомъ, то въ одномъ изъ походовъ онъ получилъ рану между бровью и ухомъ; по обычаю запорожцевъ онъ эту рану затеръ порохомъ, она у него зажила, но на ея мѣстѣ остался отъ пороха черный шовъ и эта примѣта стала добавочнымъ прозвищемъ къ его фамилiи, а когда впослѣдствiи возвели его въ графы, то походная товарищеская кличка „Черный Шовъ" была дана въ фамилiю новому графу Чернышеву.

„Пушкинская аллея" въ Яропольцѣ.

Въ сосѣднюю усадьбу графовъ Чернышевыхъ-Кругликовыхъ входъ не такъ доступенъ, хотя сады этой усадьбы сливаются съ гончаровскими. Тамъ цѣлыя аллеи деревьевъ подстрижены квадратами, треугольниками и кругами. Весь садъ пронизанъ каналами, черезъ которые перекинуты узорчатые, изящные мостики изъ березы съ берестой. Такiе же диванчики разбросаны подъ тѣнью деревьевъ и по берегамъ каналовъ. Говорятъ, что каналы эти рылись двумя полками солдатъ. Въ нихъ важно расхаживала огромная рыба, ловить которую не позволялось никому. Разсказывали, что гдѣ-то въ особомъ бассейнѣ плавала диковинная рыба: золотая и съ золотыми серьгами, и крестьянскiе мальчишки (въ томъ числѣ и я) съ рискомъ пробирались въ заповѣдные уголки огром-

Театръ въ Ярополъцѣ (остатокъ крѣпостного времени).

Церковь и остатки башенъ въ Ярополыцѣ.

наго сада и искали тамъ диковинную рыбу, у которой выпуклые на выкатѣ глаза, очень похожи сбоку на массивные золотыя сережки. Есть тамъ дивныя бесѣдки, высокія, съ полумѣсяцемъ на шпилѣ, похожія на мечети... Есть глубокій прудъ, какъ зеркало въ изумрудной рамѣ береговъ. Передъ нимъ огромныя, вѣковыя сосны съ золотистыми стволами, необыкновенно ровными и высокими. Они гладки, какъ колонны и только на страшной высотѣ увѣнчаны пышною короною вѣтвей. Отраженіями этихъ сосенъ въ пруду любуются подолгу всѣ, кому удастся попасть сюда. Тутъ во дворцѣ долго гостила Екатерина Великая по пути изъ Тавриды въ Петербургъ, о чемъ свидѣтельствуетъ памятникъ въ паркѣ.

Передъ дворцомъ огромный дворъ съ чудеснымъ газономъ и цвѣтникомъ посрединѣ. Въѣздъ закрытъ огромными тяжелыми воротами среди двухъ бѣлыхъ башенъ. Тутъ все иначе, все по другому, нежели въ усадьбѣ Гончаровыхъ и все, чѣмъ пользуются крестьянскія дѣти школьники отъ этой усадьбы—это душистыя вѣтки дерева, называемаго ими по просту масличнымъ, а это были вѣтви туи (какъ я узналъ только теперь), которыя они тайкомъ ломаютъ, чтобы закладывать въ книги...

Василій Красновъ,
крестьянинъ села Ярополыца.

ЗАМѢТКИ ОБЪ ЭКСПРОМПТѢ.

II.

Не всѣмъ поэтамъ экспромпты даются съ одинаковой легкостью. Кромѣ особаго склада дарованія здѣсь играетъ роль и извѣстный навыкъ, умѣнье быстро найти какую-нибудь характерную особенность даннаго событія и подыскать для нея форму сжатую, но вполнѣ опредѣленно выражающую мысль поэта. Бываютъ „сихъ дѣлъ мастера", такъ сказать, виртуозы экспромпта, у которыхъ всегда наготовѣ легкій и шутливый откликъ на то, чего они являются свидѣтелями. Въ былыя времена славились своими экспромптами Минаевъ и Мей. Оба поэта не были врагами „зеленá вина", и во многихъ стихотворныхъ шалостяхъ они откровенно сознаются въ своей слабости. Мей за ужиномъ у графа Кушелева-Безбородко, гдѣ собралось избранное общество, сказалъ, обращаясь къ присутствующимъ:

Графы и графини!
Счастье вамъ во всемъ,—
Мнѣ же лишь въ графинѣ,
И притомъ большомъ.

Минаевъ сочинилъ самъ себѣ такую эпитафію:

Прохожій! грязію могилы сей не пачкай!
Любилъ онъ красное вино и умеръ бѣлою горячкой.

Довольно злымъ четверостишіемъ разразился на одномъ званомъ обѣдѣ покойный П. С. Лихачовъ:

Стучатъ ножи,
И хрипнутъ глотки...
О, сколько лжи
За рюмку водки!..

Болѣе благодушно откликнулся послѣ одного обѣденнаго пиршества, на призывъ хозяйки написать ей что-нибудь въ альбомъ, большой мастеръ на экспромпты Ф. В. Черниговецъ-Вишневскій:

Когда берутъ меня врасплохъ
Въ послѣобѣденной истомѣ,
Тогда я просто глупъ и плохъ
И въ разговорѣ, и въ альбомѣ.
И это вѣдь не мудрено:
Какое мѣсто тамъ разсудку,
Гдѣ отуманило вино,
И силы отданы желудку?

Если въ обществѣ поэты нерѣдко отнѣкиваются отъ произнесенія экспромтовъ, ссылаясь на нерасположеніе или на какой-нибудь другой благовидный предлогъ, то въ своемъ товарищескомъ кругу они не скупятся на нихъ. Обстановка, а также духъ сорев-

нованія задѣваютъ иногда за живое самыхъ „маститыхъ" и они, тряхнувши стариной, разражаются иногда наряду съ молодежью неожиданными шалостями пера. В. П. Авенаріусу, являющемуся въ настоящее время на собраніяхъ поэтовъ какъ бы патріархомъ, принадлежитъ, напр., такое, не лишенное игривости, четверостишіе:

Примѣрнымъ мужемъ былъ еще Адамъ при Евѣ,
Примѣрной и она женой ему была:
Вѣдь другомъ дома ихъ былъ мудрый Змій на древѣ
Познанія добра и зла.

„Золотымъ вѣкомъ" экспромптнаго сочинительства было время изданія кружкомъ поэтовъ, собиравшимся у К. К. Случевскаго, юмористическаго листка „Словцо". По поводу каждаго событія, занимавшаго общественное вниманіе, на еженедѣльныхъ „пятницахъ"-собраніяхъ поэтовъ слагалось по нѣсколько стихотворныхъ откликовъ, только небольшая часть которыхъ, признанная болѣе удачною и удовлетворявшая цензурнымъ требованіямъ, появлялась въ печати. Появленіе новаго органа Черниговецъ почтилъ привѣтомъ:

Вначалѣ было слово,
А нынѣ „Словцо"...
Хоть это не ново,—
Но фактъ на лицо.

Экспромпты самого Случевскаго были въ большинствѣ случаевъ въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ его дарованія, имѣвшаго уклонъ въ сторону философскихъ обобщеній. Его „первоапрѣльскій" экспромптъ, напр., таковъ:

Не шутка первое апрѣля:
Весь міръ и врунъ и пустомеля,
Но только разъ единый въ годъ
Онъ вретъ—и это признаетъ.

Послѣ смерти Случевскаго часть кружка поэтовъ, собиравшаяся у него въ домѣ, рѣшила продолжать эти собранія и такъ возникли „вечера Случевскаго", носившіе въ общемъ прежній характеръ. Представительницею фамиліи Случевскихъ на этихъ собраніяхъ явилась дочь поэта, которую старѣйшіе участники кружка знали еще дѣвочкой-подросткомъ и привыкли называть попросту Шурой. Когда на одномъ изъ собраній появилась молодая, интересная дѣвушка, не всѣ сразу признали въ ней знакомую имъ, щеголявшую еще въ коротенькихъ платьицахъ, гимназисточку. Впечатлѣніе, которое произвела эта перемѣна, выражено было мною въ четверостишіи:

И тьма вокругъ, и въ сердцѣ мгла,
И все такъ сумрачно и хмуро...
Вдругъ солнца лучъ,—она вошла...
Такъ вотъ какая стала Шура!

Дочь поэта унаслѣдовала его поэтическое дарованіе. Въ ея стихотворныхъ „шалостяхъ" есть грація и игривый юморъ. На одномъ изъ собраній она написала въ альбомѣ „вечеровъ" такіе шуточные стихи:

Я шелками такъ шуршу,
Что сердитъ Драчевскій;
Нѣтъ милѣе Шу-Шу-Шу,
Шурочки Случевской.

Это дало толчекъ другимъ, и скоро цѣлая страница альбома заполнилась записями въ такомъ же родѣ. Безвременно погибшій талантливый Викторъ Гофманъ написалъ:

Не боюсь я никого,
Я боа-констракторъ...
Я Го-го-го-го-го-
Или Гофманъ Викторъ.

Запись молодого поэта Д. Коковцова такова:

Жить со мною не легко,
Я не изъ толстовцевъ.
Я Ко-ко-Ко-ко-ко-ко,
Я Ко-ко-ко-ковцовъ.

Публика на вечера Случевскаго собирается обыкновенно поздно, не рѣдки случаи, когда на собраніе, начало котораго предположено въ 9 час. вечера, являются послѣ 12-ти. Это дало поводъ В. В. Усманову-Каплуновскому сказать экспромптъ:

„Вечера" Случевскаго превратились въ „ночи"
И давно „сегодня" сдѣлалось „вчера"...
Вижу я грядущее, закрывая очи:
Соберемся на вечеръ къ десяти утра.

Изъ поэтессъ отзывается довольно часто на событія текущаго дня И. Гриневская. Привожу одинъ изъ недавнихъ ея экспромтовъ, сказанный въ собраніи Общества ревнителей исторіи, предсѣдателемъ котораго состоитъ герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій:

Лейхтенбергъ—то „свѣтъ—гора".
Людямъ въ тьмѣ она свѣтила
Свѣтомъ знанья и добра;
Этотъ свѣтъ—отчизны сила...
Чтобы свѣтъ тотъ не померкъ,—
Leuchte, leuchte, Лейхтенбергъ!

Владѣльцемъ самой обширной коллекціи экспромитовъ является, надо полагать, извѣстный поэтъ-переводчикъ Ф. Ф. Фидлеръ, который не выходитъ изъ дома, не захвативъ съ собою альбома, и писателю, встрѣченному имъ на юбилейномъ-ли обѣдѣ или на похоронахъ, не отвертѣться отъ обязанности занести что-нибудь въ альбомъ. Эту „экспромптоманію" въ забавной формѣ изобразилъ А. Купринъ:

Юбилеютъ-ли медвѣдя,
Червяка-ль кладутъ во гробъ,—
Какъ сейчасъ же Фидлеръ Федя
Пристаетъ,—писали чтобъ...

Пользуются большою популярностью экспромты В. П. Буренина, умѣющаго подмѣчать въ литературныхъ дѣятеляхъ ихъ слабыя стороны и ядовито ихъ высмѣивать. Когда В. П. Гайдебуровъ, издававшій одно время газету „Русь", сталъ пространно повѣствовать въ своемъ органѣ о томъ, какъ онъ купался въ „шпруделѣ", Буренинъ откликнулся на это событіе:

Гайдебуровъ въ шпрудель
Влѣзъ, какъ рѣзвый пудель...
Сталъ отъ Гайдебурова
Шпрудель цвѣта бураго...

Не особенно удачныя газетныя выступленія бывшаго священника Григорія Петрова дали поводъ такимъ стихамъ Буренина:

Предайся ты занятію родному,
Благословляй и пріобщай толпу.
Шить сапоги не слѣдуетъ портному,
А фельетонъ писать попу.

На редакціонныхъ собраніяхъ „Словца" эпиграммы по поводу разныхъ событій въ литературномъ мірѣ были не рѣдкостью. Не помню—кому принадлежитъ удачный экспромптъ, посвященный Сергѣенку, старавшемуся прилѣпить свое имя къ имени Толстого и Зуеву, пытавшемуся „поддѣлать" подъ Пушкина окончаніе „Русалки":

Не снять Сергѣенка съ Толстого,
А Зуевъ къ Пушкину прилипъ...
Есть въ церкви—мышь, подъ дубомъ—грибъ...
О, боги, боги! Вы могли бъ
Не дать великому смѣшного.

Въ своей замѣткѣ объ экспромптахъ я привелъ, разумѣется, очень малую долю того, что въ этой области можетъ считаться заслуживающимъ вниманія. Тотъ, кто задалъ бы себѣ трудъ собрать наиболѣе удачные образчики произведеній этого рода, какъ умершихъ поэтовъ, такъ и нынѣ здравствующихъ, составилъ бы книгу и веселую и занимательную.

Бенедиктъ.

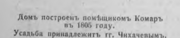

УСАДЬБА въ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

УСАДЬБА
„МУРОВАННЫЕ КУРИЛОВЦЫ“
ВЪ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБ.

Домъ построенъ помѣщикомъ Комаръ въ 1805 году.
Усадьба принадлежитъ гг. Чихачевымъ.

Фамильные колье и діадема князей Юсуповыхъ.

Шкафъ съ подарками невѣсты Княжны Ирины Александровны.

Свадебные подарки Ея Высочеству Княжнѣ Иринѣ Александровнѣ.

Сняты въ овальномъ залѣ дворца Великаго Князя Александра Михаиловича.

1. Налѣво на столѣ: фамильные бриллiанты князей Юсуповыхъ—діадема и колье.
2. Шкафъ розоваго дерева съ бронзой—подарокъ Мельцера.
3. Въ шкафу, на верхней полкѣ, въ центрѣ, подарокъ жениха—бриллiантовая діадема ажурной работы, замѣчательна тѣмъ, что бриллiанты чередуются съ горнымъ хрусталемъ—работы ювелира Картье; въ этой діадемѣ Ея Высочество вѣнчалась.
4. Бриллiантовыя серьги, изъ фамильныхъ бриллiантовъ князей Юсуповыхъ, съ крупными подвѣсками—грушевидными жемчужинами.
5. Брошь—свѣтлый изумрудъ, осыпанный бриллiантами, подарокъ Вел. Кн. Ольги Александровны.
6. Браслетъ изъ двухъ крупныхъ бриллiантовъ—подарокъ жениха.
7. Подвѣска на шею отъ княгини и князя Юсуповыхъ.

Вторая полка:

8. Миніатюра—подарокъ-портретъ, вдовствующей Королевы Англійской.
9. Брошь—подарокъ Императрицы Маріи Феодоровны.
10. Двѣ нитки жемчуга—подарокъ Государя Императора.
11. Въ томъ же футлярѣ бриллiантовая нитка и изумрудъ—отъ Вел. Княгини Ксеніи Александровны.
12. Брошь бриллiантовая — подарокъ Велик. Князя Николая Михаиловича.
13. Браслетъ—принцессы Викторіи.
14. Кольцо бриллiантовое — подарокъ Вел. Княженъ Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны.
15. Брошь—отъ Англійскаго Посольства.

Красная гостиная во дворцѣ. Портретъ и бюстъ Княжны Ирины Александровны.

Третья полка:

16. Большая брошь изъ брилліантовъ, рубиновъ и жемчуговъ — отъ Вел. Княгини Ксеніи Александровны.

17. Колье — крупные сапфиры съ брилліантами — отъ Вел. Кн. Александра Михаиловича и Ксеніи Александровны.

[illegible] Подвѣска брилліантовая съ замѣча[illegible] жемчугомъ — отъ Вел. Кн. [illegible]

Наружный фасадъ дворца Вел. Князя Александра Михаиловича.

Зимній балконъ во дворцѣ. Сидятъ на первомъ планѣ пажъ Князь Федоръ Александровичъ, морякъ Князь Андрей Александровичъ, на заднемъ планѣ Князь Ростиславъ Александровичъ.

Оранжевая гостиная; черезъ дверь видна бѣлая гостиная.

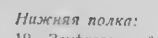

Мавританскій кабинетъ во дворцѣ Великаго Князя Александра Михаиловича. На полу настоящій китайскій коверъ — подарокъ Китайскаго Императора.

Бальный залъ во дворцѣ Великаго Князя Александра Михаиловича; въ открытую дверь видна оранжевая гостиная съ бюстомъ Великаго Князя.

Нижняя полка:

19. Замѣчательной работы страусъ изъ камня—отъ дочери графини Орлово-Давыдовой.

20. Ларецъ—Зои Ст[illegible].

21. Брошь—ландыши—(бриллианты и жемчугъ), отъ Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны

22. Брошь—бантъ [illegible] Вел. Князя Георгія Мих[illegible]

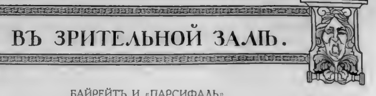
[illegible] Карпе, Болинъ [illegible]

Передняя во дворцѣ Ве[illegible] Александра Михаил[illegible] стоитъ казакъ Импер[illegible] Феодор[illegible]

Голландская комната; въ перспективѣ бѣлая гостиная, далѣе столовая.

ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.

БАЙРЕЙТЪ И «ПАРСИФАЛЬ».

(Изъ моихъ воспоминаній)

Съ тѣхъ поръ, какъ „Парсифаль" сталъ общимъ достояніемъ ... ь театры міра начали наперерывъ ставить эту музыкальную ..., Байрейтъ лишился своего послѣдняго „raison d'être". ... лава его начала меркнуть, чуть ли не сейчасъ же ... его геніальнаго основателя. Но до тѣхъ поръ, пока ... и подвизались ставленники великаго музыканта, его ... тѣ близкіе къ нему люди, которые хранили въ себѣ ... Вагнера искру священнаго огня, Байрейтъ ... зой вагнеріанства. Онъ былъ тѣмъ центромъ ... кегодно со всѣхъ концовъ вселен... ... знавшие по опыту, что ... исутствовать при безупречномъ ... сно всѣмъ традиціямъ, устано... Парсифаля".

... мало по малу стали сходить въ могилу ... ветераны „Sturm und Drang" періода вагне... ...ъ, не стало Германа ... первыми исполненіями многихъ вагнеров... въ томъ числѣ и „Парсифаля", поставленнаго въ ... разъ 26 іюля 1882 года. Отошелъ отъ сцены и другой ... капельмейстеръ Гансъ Рихтеръ, умеръ Моттль... Въ свою ... пѣвцы вагнеровскаго ре-

пертуара, тѣ, съ которыми самъ Вагнеръ проходилъ роли, и тѣ, которые хранили лучшія традиціи байрейтскаго театра. Фогель, Гордъ, идеальный Зигфридъ—Скаріо, котораго самъ Вагнеръ называлъ „неподражаемымъ Скаріо", Маттерна, голландецъ Ванъ-Ро— лучшій Вотанъ, который когда-либо существовалъ, и мн. др.

Одновременно съ упадкомъ байрейтской сцены началъ падать и самъ городъ, его стали рѣже и рѣже посѣщать музыканты и настоящіе цѣнители вагнеровскаго творчества. Ихъ мѣсто заступили шумныя толпы всевозможныхъ снобовъ и праздношатающихся туристовъ обоихъ полушарій.

Наконецъ, наступилъ послѣдній часъ: Байрейтъ лишился „Парсифаля"! Вопреки настояніямъ Вагнера, желавшаго, чтобы „Парсифаль" никогда не покидалъ Байрейтскаго театра, его посмертное произведеніе отдано нынѣ на растерзаніе всѣхъ оперныхъ сценъ и пѣвцовъ міра. Объ этомъ можно только пожалѣть, такъ какъ „Парсифаль" не походитъ ни на одну оперу, и даже среди другихъ произведеній Вагнера занимаетъ совершенно исключительное мѣсто. Та мистическая окраска, которой онъ пропитанъ, и тотъ религіозный духъ, которымъ живетъ каждая страница его партитуры, требуютъ отъ слушателя особаго настроенія, соотвѣтствующаго характеру самой музыкальной драмы. А этого настроенія можно было достигнуть только паломничествомъ въ Байрейтъ и только благодаря той обстановкѣ и атмосферѣ, которыя тамъ существовали...

Лучшій исполнитель Парсифаля Ванъ-Дикъ. (1901 г.)

Я впервые посѣтилъ Байрейтъ въ 1885 году, черезъ два съ половиной года послѣ смерти Вагнера. Тогда надъ всѣмъ маленькимъ городкомъ этой живописной части Франконіи, утопающимъ въ морѣ

Лучшій исполнитель Зигфрида Краусъ (1901 г.)

зелени, среди изумрудныхъ полей и садовъ и вѣнчающимся небольшимъ холмомъ, на которомъ возвышался знаменитый Байрейтскій театръ, еще властно носился духъ великаго музыкальнаго реформатора. Повсюду въ городѣ можно было встрѣтить его друзей, первыхъ поклонниковъ и приверженцевъ. Гостиницы, рестораны, сады,— все это было обращено въ своего рода храмы и священныя дубравы, гдѣ ежечасно происходили служенія почившему генію. Вся жизнь городка кристаллизировалась, такъ сказать, вокругъ театра. Театръ былъ единственной темой разговоровъ всѣхъ пріѣзжихъ, единственнымъ, на что были обращены взоры всѣхъ...

Въ тѣ годы интереснымъ зрѣлищемъ, которое можно было наблюдать въ Байрейтѣ, было медленное, торжественное движеніе со всѣхъ концовъ города вереницъ экипажей и пѣшеходовъ, направляющихся къ театру. Такъ какъ представленія начинались обыкновенно въ четыре часа дня и заканчивались около 9 час. вечера, то жизнь городка совершенно замирала въ серединѣ дня и пробуждалась только въ сумерки теплыхъ, лунныхъ, лѣтнихъ вечеровъ. Эти вечера пріѣзжіе проводили обыкновенно въ многочисленныхъ, но еще дешевыхъ тогда ресторанахъ и пивныхъ, гдѣ вокругъ кружекъ пива велись горячіе споры и происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Иногда вдова почившаго музыканта устраивала у себя на дачѣ вечера въ честь избранныхъ и почет-

ныхъ посѣтителей, иногда черезъ городъ проходилъ красочный „факельцугъ". Но всегда въ полночь городъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ.

Представленія 1885 года я, конечно, запомнилъ очень мало, пожалуй, только абсолютную темноту въ залѣ во время хода дѣйствія и торжественные призывные звуки трубъ, съ высоты театра, извѣщавшіе паломниковъ о началѣ представленій. Въ антрактахъ мнѣ показывали Козиму Вагнера, Германа Леви, молодого еще тогда сына Вагнера, Зигфрида, французскаго переводчика Вагнера Эрнста, его восторженнаго комментатора Г. С. Чемберлена и др.

Въ слѣдующее мое посѣщеніе Байрейта, въ 1891 году я встрѣтилъ почти тѣхъ же лицъ и нашелъ почти ту же атмосферу сосредоточенности и священнаго трепета. Въ тотъ годъ въ Байрейтѣ пѣло нѣсколько новыхъ молодыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, на которыхъ возлагались большія надежды. Между ними особо-видное мѣсто занималъ теноръ Ванъ-Дейкъ, единственный, кажется, изъ всѣхъ пѣвцовъ, который дѣйствительно вполнѣ оправдалъ эти надежды. Впослѣдствіи мнѣ приходилось очень часто слышать этого выдающагося пѣвца, рядомъ съ другими, теперь уже знаменитыми исполнителями вагнеровскихъ произведеній: Генрихомъ Кнодомъ, Лили Леманъ, Фессбендеръ-Моттль, ШуманъГейцъ, Нордикой, Феліей Литвинъ, Маріей Виттихъ, Терниной, Краусомъ, Бурьяномъ и др.

Въ послѣдній разъ я посѣтилъ Байрейтъ въ 1905 году, и съ трудомъ узналъ его.

Байрейтскій театръ.

Интимности уже никакой не существовало, знакомыхъ лицъ почти не встрѣтилъ, за то повсюду сновала и заполняла весь театръ шумная, болтливая космополитическая толпа, состоящая преимущественно изъ англо-саксонцевъ. То былъ, кажется, первый годъ американскаго нашествія на Байрейтъ! То и дѣло я натыкался на краснощекихъ миссъ, въ короткихъ юбкахъ и дорожныхъ фуражкахъ, державшихъ въ рукахъ разноцвѣтные путеводители и „ключи" къ разгадкѣ вагнеровскаго творчества. Не имѣя ни малѣйшаго эстетическаго чутья и музыкальныхъ наклонностей, всѣ эти „peaux-rouges décadents", какъ называлъ американскихъ снобовъ и эстетовъ одинъ изъ моихъ пріятелей, „[illegible]ровали" свои книжки и разнаго рода „Key to Parsifal" и т. п. съ терпѣніемъ и [illegible] свойственнымъ [illegible] расѣ. Они вбивали себѣ въ голову, точно школьники трудный урокъ, значеніе лейтъ-мотивовъ, туманную и мистическую фи[illegible] „Парси[illegible]" и сложную канву „Кольца Нибелунговъ".

Одновременно съ этимъ и самъ [illegible] Байрейтъ [illegible]нился. Онъ сталъ меркантиленъ, зазывающъ ка[illegible] лавочникъ, угодливъ и страшно дорогъ.

И увидавъ все это, и понявъ, что [illegible] св. Грааля не озарится небеснымъ свѣтомъ, я [illegible] ногъ своихъ и позабылъ навсегда дорогу въ Б[illegible].

[illegible]

Школа танго (нѣмецкая каррикатура).

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

У „Кюба".

На дняхъ кто-то за обѣдомъ разсказывалъ анекдотъ о томъ, какъ онъ пріѣхалъ къ своему пріятелю въ имѣніе въ Западномъ Краѣ. Смотритъ у всѣхъ коровъ вздутые животы.

— „Что это у васъ такое"?

— „А, видите ли, у меня фабрика древесной стружки, а сѣна съ половины зимы не хватило, такъ я кормилъ коровъ стружками"...

— „А развѣ коровы ѣли"?!

— „Ѣли... я имъ всѣмъ надѣлъ зеленые очки, онѣ и думали, что это трава!"

По этому поводу другой помѣщикъ разсказалъ еще болѣе невѣроятный случай.

— „Хотѣли, чтобы куры неслись зимой. Онѣ начинали нестись только тогда, когда термометръ поднимался до 12—13°, а тутъ все стояли холода... Помѣщикъ рѣшилъ тогда перехитрить куръ и повѣсилъ имъ термометръ Фаренгейта: куры увидѣли, что температура такая высокая и сразу стали нестись".

— „Господа, вѣдь, вы же не охотники"!..—замѣтилъ по этому поводу третій собесѣдникъ.

Традиціонный балетный ужинъ послѣ бенефиса кордебалета (2 февраля).

Среди присутствующихъ (отъ середины): Заслуж. арт. Имп. театровъ М. Ф. Кшесинская, балерина Т. П. Карсавина, М. А. Бакеркина, Н. А. Бакеркина, Е. А. Борхардъ-Лихачева, Г. Э. Биберъ, И. В. Бередниковъ, Н. А. Богдановъ, А. Я. Ваганова, Вахтеръ, М. Е. Вернеръ, М. Н. Горшкова (моск. бал.), I. Е. Готшъ, ген.-ад. П. П. Дурново, Ф. Г. Дикъ, В. П. Крымовъ, сов. исп. посольства Каррерасъ, В. А. Коляновскій, фл.-ад. Козляниновъ, Е. М. Люкомъ, В. М. Леонтьева 2, М. М. Леонтьева, С. А. Латонинъ, Л. Н. Муромская, А. Мамонтовъ, М. П. Матвѣевъ, Л. Р. Нестеровская, М. К. Невельская (моск. балетъ), быв. бал. В. А. Никитина, Н. С. Нехлюдовская, Е. А. Островская-Лютикова, Н. А. Островскій, А. Прохорова, Н. А. Панчина, фонъ-Притвицъ, А. А. Померанцевъ, О. А. Рожественская, Ю. Л. Ракитинъ, Е. Н. Стремлянова 1, Ю. Н. Сѣдова, хор. Сиверсъ, Г. Г. Семеновъ, гр. Н. В. Стенбокъ-Ферморъ, Е. Д. Фокина 2, Г. Г. Фракманъ, шталм. Д. Н. Чихачевъ, В. Я. Чистяковъ, Ж. А. Шиманская, гр. Шуваловъ, Н. Д. Шубинъ-Поздѣевъ, гр. М. Ф. Шевичъ.

СЪ ФОТОГР. НАШЕГО ХУД. П. Н. ВОЛКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГАСТРОЛЕРЫ.

Вслѣдъ за Ришпеномъ, Верхарномъ, де-Фукьеромъ Петербургъ предполагаютъ посѣтить еще разные французскіе писатели, которые прочитаютъ у насъ рядъ лекцій на литературныя и общественныя темы.

У насъ гастроли иностранныхъ литераторовъ являются новинкой, но въ Парижѣ „конференціи" пользуются широкой популярностью. Спеціально для нихъ устроенъ такъ называемый „залъ Бодиньеръ", съ небольшой сценой, на которой нѣсколько разъ въ недѣлю выступаютъ беллетристы, критики, поэты, путешественники и т. д. съ живыми и интересными лекціями по самымъ разнообразнымъ вопросамъ общественнымъ, литературнымъ, политическимъ, религіознымъ.

На сценѣ Бодиньеръ исполняются также небольшія пьески, конечно, не требующія почти никакой обстановки; даютъ вокальные и инструментальные концерты, показываются живыя картины, кинематографъ и проч.

Лекторами нерѣдко выступаютъ и иностранцы. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ кн. В. В. Барятинскій читалъ здѣсь отрывки изъ своего стихотворнаго перевода на французскій языкъ „Евгенія Онѣгина".

Публика, привлекаемая именами лекторовъ и разнообразіемъ темъ, очень охотно посѣщаетъ эти конференціи. Партеръ наполняется обыкновенно избраннымъ обществомъ, а на галлереѣ собирается публика попроще, обычно во время конференціи, истребляющая въ большомъ количествѣ сладкіе пирожки, соединяя такимъ образомъ пріятное съ полезнымъ!

Для многихъ современныхъ знаменитостей Бодиньеръ послужилъ преддверіемъ храма Славы. На этой маленькой сценѣ дебютировали романисты, поэты и политическіе дѣятели, пріобрѣвшіе потомъ громкую извѣстность.

Опытные лекторы всегда умѣютъ возбуждать вниманіе слушателей, придавая своему чтенію характеръ живой свѣтской болтовни. Они хорошо знаютъ свою публику, знаютъ, что она неспособна сосредоточиваться на вопросахъ слишкомъ серьезныхъ и отвлеченныхъ, и потому стараются облекать свои разсужденія въ наиболѣе доступную для нея форму. Серьезная рѣчь пересыпается неожиданными отступленіями, сравненіями, забавными анекдотами; все это будитъ любопытство и поддерживаетъ до конца вниманіе.

„Конференціи".— прекрасный образчикъ той неподражаемой „causerie", въ которой французы отличаются такимъ удивительнымъ мастерствомъ еще со временъ салоновъ стараго режима—барона Ольбаха, г-жи де-Севинье.

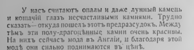
Лѣтъ 15 тому назадъ въ Парижѣ не бывало конференцій, кромѣ тѣхъ, которыя читались въ Cercle Saint-Simon; но это были лекціи очень серьезныя, почти исключительно историческаго содержанія, и при томъ доступныя только для членовъ клуба и ихъ друзей.

Въ ту пору покойный философъ Каро сталъ являться въ великосвѣтскихъ салонахъ со своими causeries по разнымъ психологическимъ вопросамъ; эти бесѣды, имѣвшія огромный успѣхъ среди свѣтскихъ дамъ, показались настолько необыкновенными, что газеты нѣсколько лѣтъ подрядъ вышучивали профессора, и, наконецъ,

У насъ считаютъ опалы и даже лунный камень и кошачій глазъ несчастливыми камнями. Трудно сказать—откуда пошелъ этотъ предразсудокъ. Между тѣмъ эти полу-драгоцѣнные камни очень красивы. На нихъ сейчасъ мода въ Англіи, и благодаря этой модѣ они сильно поднимаются въ цѣнѣ.

Изображенныя [illegible]

Пальеронъ вывелъ его даже на сцену въ извѣстной комедіи „Le monde où l'on s'ennuie“, очень долго не сходившей съ репертуара.

А, между тѣмъ, въ это самое время конференціи были уже въ большомъ ходу не только въ провинціальныхъ городахъ Франціи, но и повсюду—въ Швейцаріи, въ Бельгіи и въ Голландіи.

Возникло общество, которое стало устраивать лекторскія поѣздки по разнымъ городамъ, имѣвшія часто блестящій успѣхъ. Лекторами выступали не одни только [illegible] сюжетъ съ подобающей серьезностью [illegible] ности молодые поэты и [illegible] лику съ отрывками своихъ [illegible] Публика, со своей стороны [illegible] ванная возможность не только [illegible] но и посмотрѣть на нихъ.

[illegible]

Традиціонный балетный ужинъ (послѣ бенефиса кордебалета).

ФОТОГР. НАШЕГО ХУД. П. И. ВОЛКОВА.

ПИСЬМА И BILLETS DOUX.

II.

Mon cher Redacteur.

Фи! Какъ это зло съ Вашей стороны! Я получила послѣдній номеръ Вашего милаго журнала и вдругъ увидѣла, что Вы напечатали въ немъ мое письмо! Вѣдь это было персональное письмо отъ меня къ Вамъ... И баронъ Зюнде былъ тоже удивленный.

Хорошо еще, что le prince, mon mari не видѣлъ, а то это было бы истинный скандалъ.

Я вижу теперь, что съ людьми письма надо имѣть осторожность, и буду Вамъ dorénavant писать только вещи, имѣющія стриктно соціальный характеръ.

Баронъ Зюнде посовѣтовалъ мнѣ, чтобъ я была [illegible] au courant вопросовъ дня, устраивать у себя [illegible]кія собранія разъ въ недѣлю и на этихъ со[illegible] дебатировать именно тѣ вопросы, которые [illegible]ютъ общество. Я повѣрила хорошо послѣдо[illegible]его совѣту и для начала пригласила къ себѣ [illegible] человѣкъ ужинать прошлую субботу по[illegible]цузскаго театра. (Вы видѣли Roggers? Charmante ar[illegible]e!)

[illegible] графиня Веруламова, моя двоюродная сестра — [illegible] Лала Шёнау, Тать-Татьминскій, знаете онъ [illegible] членъ одного изъ совѣтовъ, а въ семидеся[illegible]хъ годахъ, передъ турецкой войной, былъ губернаторомъ въ той провинціи, гдѣ у моей бабушки, матери maman, были большія земли; потомъ были еще ce cher général Кейстутовъ, графъ Мосягинъ-отецъ, который былъ дипломатомъ въ Монако, и у котораго былъ предокъ, который былъ сдѣланъ графомъ при Екатеринѣ II, которая была къ нему очень милостива; и, наконецъ былъ еще, конечно, баронъ Зюнде.

Le prince, mon mari, узнавъ, что у меня будетъ серьезное собраніе, сказалъ, что у него невралгія, и поѣхалъ въ клубъ... Это было съ его стороны грубо и даже неумно, такъ какъ я не допускаю и мысли, чтобъ могли еще существовать люди, которые вѣрили бы въ лѣченіе невралгіи клубомъ. Но въ концѣ счета я была даже довольна, что онъ уѣхалъ. Мы всѣ безъ него чувствовали себя оживленно, свободно и очень скоро поняли другъ друга и всю необходимость нашихъ собраній; я, конечно, никому не сказала, что я стала писательницей, и что такая сила — какъ журналъ — въ моихъ рукахъ.

Воображаю себѣ, какой это былъ бы сенсаціонный эфектъ, еслибъ они узнали!

На этомъ нашемъ первомъ собраніи мы дебатировали какъ разъ тотъ самый вопросъ, который, какъ оказывается, дебатировался въ Государственномъ Совѣтѣ, — вопросъ о томъ, можно ли пить шампанское подъ Новый Годъ во время réveillon. Это было очень, очень мило и глубоко.

Президировалъ баронъ Зюнде или какъ онъ это называлъ болѣе русскимъ терминомъ „руководилъ преміями" (à propos, я не совсѣмъ поняла — при чемъ тутъ преміи?). Хотя онъ и самый молодой изъ всѣхъ мужчинъ, которые присутствовали, но выбрали президировать именно его, такъ какъ онъ имѣлъ иниціативу этихъ собраній.

Началъ онъ, съ моей точки зрѣнія, слишкомъ научнымъ фасономъ, говорилъ такія слова какъ алкоголизмъ, акцизъ, вспомнилъ о графѣ Сергѣѣ Юльевичѣ.

A propos, я никогда не могла понять до дна — какъ графъ сдѣлалъ свою реформу: я знаю, что онъ простую водку обратилъ въ Monopole, но какъ онъ это сдѣлалъ и почему Heidsiek не протестовалъ — этого я никакъ не могу схватить.

Послѣ того, что баронъ Зюнде поговорилъ минутъ десять о такихъ научныхъ вещахъ, онъ пригласилъ другихъ высказаться.

Первымъ высказался Тать-Татьминскій, но говорилъ онъ тоже научно и все больше о прошломъ; съ большой approbation онъ отзывался о какихъ-то откупахъ, но у кого именно я не поняла. Можетъ быть, это случилось потому, что онъ много кашлялъ, когда говорилъ.

Совершенно твердо и ясно выложила свое мнѣніе графиня Веруламова: она сказала, что разрѣшать народу пить шампанское можно только на большихъ балахъ (наши мужички называютъ это „хороводами"), а также въ ночь подъ Новый Годъ; въ остальные же дни пусть всѣ пьютъ Нарзанъ, Ессентуки, Старую Руссу и другія казенныя воды. Благодаря этому, по совершенно вѣрному замѣчанію графини, пьяныхъ не будетъ, а казна получитъ большой доходъ.

Графъ Мосягинъ-отецъ привелъ при этомъ „историческую справку" (это — выраженіе барона Зюнде) изъ своей дипломатической карьеры: монакскимъ подданымъ разрѣшаютъ играть въ рулетку только разъ въ годъ, въ день рожденія князя; въ остальные же дни они ѣздятъ играть въ карты въ Ниццу.

Ce cher général Кейстутовъ склонился въ другую сторону: онъ утверждалъ, что пить всякое вино полезно, если не выпивать въ день больше двухъ бутылокъ виноградного и полбутылки водки или коньяку; что въ холодную погоду это согрѣваетъ, а въ жару утоляетъ жажду; что древніе римляне, прославившіеся своими пирами, завоевали міръ...

Генералъ говорилъ очень долго и очень горячо и все время наполнялъ стоявшій передъ нимъ бокалъ; закончилъ онъ свою рѣчь очень красивой фразой — „не отнимайте отъ насъ вино и женщинъ" и предложилъ тостъ за присутствующихъ дамъ, при чемъ глядѣлъ на меня, и у него въ глазахъ появились слезы. Parole d'honneur!

Барону Зюнде его рѣчь, и особенно конецъ, кажется, не понравились, и онъ, въ своемъ качествѣ президента собранія, замѣтилъ Кейстутову, что онъ удаляется отъ сюжета. По поводу этого cette folle de Лала Шёнау очень захохотала и сказала, что президентъ долженъ быть безпристрастнымъ. Я не знаю, что она подразумѣвала, но, говоря это, она похлопала меня по рукѣ. Я думаю — вѣдь эта Лала такая сумасшедшая! — что она вообразила, что ce cher Кейстутовъ въ меня влюбленъ, и что баронъ Зюнде поэтому разсердился... Странно, что существуютъ люди, которые никогда не могутъ быть серьезными.

Подъ конецъ засѣданія внезапно вернулся le prince, mon mari (я думаю онъ проигрался въ клубѣ и потому раньше вернулся).

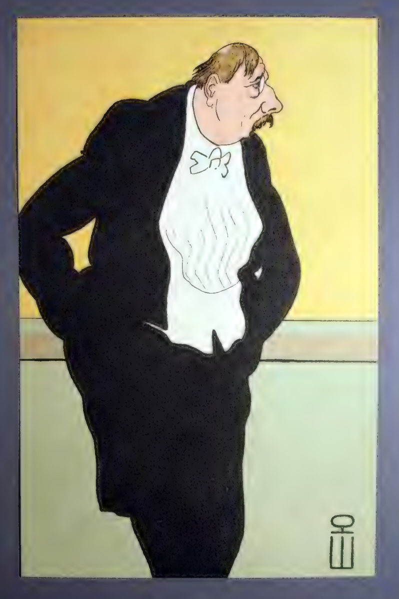
Когда Лала сообщила ему о сюжетѣ нашего собранія, то онъ спросилъ (я цитирую текстуально): выдѣлили ли мы изъ своей среды „подкомиссію для выработки средствъ усиленнаго производства нашатырнаго спирта, этого важнаго и вѣрнаго фактора для борьбы съ опьянѣніемъ".

Я не знаю — было ли это одной изъ его тяжелыхъ шутокъ, но Лала и Кейстутовъ поцѣловали его — она на правахъ моей кузины, а генералъ — на правахъ его старшаго бывшаго товарища по полку.

Потомъ мы всѣ выпили шампанскаго.

Au revoir, mon cher Rédacteur.

Княгиня Сандра.

Графъ Шевилли.
(Шаржъ Юнкера Шмита).

Балъ „цвѣтныхъ париковъ“ у граф. Е. В. Шуваловой.

Ужинъ въ театральной залѣ. Среди присутствовавшихъ: ген.-адьют. бар. [illegible] Н. Н. Апраксинъ, ген. кн. Енгалычевъ, бар. А. А. Буксгевденъ, ген. Н. [illegible] ген.-адьют. А. Н. Николаевъ, гр. Ностицъ, графиня Тотлебенъ, [illegible] г. Оливъ, графъ Старженскій, кн. Долгоруковъ, гр. Олсуфьевъ, бар. [illegible] Волконскій, л.-гв. Гусарск. полка полк. Кауфманъ съ женою, бар. Кнор[illegible] Мейендорфъ, кн. Горчаковъ, гр. Мусинъ-Пушкина, гр. Толстой, А. [illegible]

„Менуэтъ“ въ Московскомъ Литературно-Художественномъ кружкѣ. Дочери Шаляпина и Карзинкины.

Въ блѣдно розовой [illegible]
Таютъ звуки менуэ[illegible]
И кафтаны, и роброн[illegible]
Блещутъ въ зеркалѣ парке[illegible]
Улыбается маркиза
О маркиза, чьи капризы,
Какъ волшебный вѣтеръ мая,
И плѣнительны, и нѣжны...
Пусть, лорнеткою играя,
Старый графъ острить небрежно
Ужъ и въ немъ огонь мятежный,
Ужъ и въ немъ стрѣлы Амура
Будятъ муки и надежды —
Графъ роняетъ каламбуры,
Графъ во власти юной грезы
Стройность тальи, бархатъ кудрей,
И румянецъ ярче розы
Подъ душистой, бѣлой пудрой...
Таютъ звуки менуэта,
Серебритъ луна карнизы —
И въ смущеніи ждетъ отвѣта
Графъ, склоненный у маркизы...

М. фонъ-Эссенъ.

НОВОБРАЧНЫЕ.

Лидія Никол., урожд. Фигнеръ, и Мих. Митроф. Поливановъ; бракосочетаніе состоялось 26 января.

Наталія Мих., урожд. граф. Стенбокъ, и подполк. Генер. Штаба Алексѣй Еф. Вандамъ; бракосочетаніе состоялось 8 января

ФРАНЦУЗИКЪ ИЗЪ БОРДО.

Андрэ Бэкъ де-Фукьеръ... и мнѣ вспоминается маленькій, но очень фешенебельный кафе-баръ на Avenue des Champs Elysées. Группа элегантно одѣтыхъ, гладко выбритыхъ и причесанныхъ молодыхъ людей окружаетъ высокаго блондина съ длинными холеными усами, въ цилиндрѣ на бекрень. Блондинъ ораторствуетъ и, обращаясь по очереди къ каждому изъ окружающихъ его юношей, скользитъ по его лицу взоромъ своихъ, немного, стеклянныхъ глазъ. Его слушаютъ со вниманіемъ, но безъ особаго почтенія. Между нимъ и другими членами кружка разница въ годахъ не особенно велика, и слегка наклоненный цилиндръ не придаетъ особой убѣдительности и серьезности его словамъ.

Невдалекѣ, за другими столами, вокругъ стакановъ съ абсентомъ, вермутомъ и прочими микстурами, которыя въ Парижѣ называютъ „apperitifs", но которыя на самомъ дѣлѣ скорѣе портятъ желудокъ, чѣмъ возбуждаютъ аппетитъ, возсѣдаетъ бразильскій авіаторъ Сантосъ Дюмонъ, маленькій и худощавый виконтъ Кастильонъ де Сенъ-Викторъ, графъ де Лаво и прочіе главари французскихъ роялистовъ.

— Кто это?—спрашиваю я моего спутника, знакомящаго меня съ прелестями парижской жизни,—указывая на блондина въ цилиндрѣ.

— Это Андрэ Бэкъ де Фукьеръ, политическій агитаторъ и предсѣдатель кружка роялистической молодежи семнадцатаго парижскаго округа. Посмотрите съ какимъ апломбомъ онъ говоритъ и держится! Впрочемъ, онъ серьезнѣе многихъ... Къ сожалѣнію, республиканское правительство совершенно не хочетъ признать въ немъ опаснаго человѣка и это его нѣсколько огорчаетъ. Въ сущности, онъ ничего не дѣлаетъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что занимается политикой. Ему, вѣдь, все равно и онъ прекрасно знаетъ, что король никогда не вернется въ Парижъ. Чего онъ ищетъ—такъ это богатой невѣсты, по возможности изъ американокъ. Но врядъ ли ему удастся ее найти, такъ какъ онъ не знатенъ, не особенно образованъ и не особенно шикаренъ. Вѣдь, ни въ его характерѣ, ни въ его умѣ, ни во внѣшности нѣтъ того размаха, той оригинальности, того „тона", благодаря которому людямъ прощается многое, въ частности ихъ безденежье...

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ, я встрѣтился впервые съ Андрэ де Фукьеромъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

Въ тѣ годы скипетръ арбитра французской элегантности переходилъ изъ трясущихся рукъ графа де-Саганъ къ молодому еще тогда графу Бони де Кастелланъ. Вертлявый и курчавый, какъ барашекъ, графъ Бони, строилъ себѣ въ тѣ времена на деньги своей супруги графини Анны, дочери американскаго милліардера Джэ Гульда, великолѣпное палаццо на Avenue du Bois de Boulogne изъ розоваго мрамора, точную копію дворца Большого Тріанона. Онъ взялъ наслѣдіе Сагана, перешедшее къ этому старцу чуть ли не по прямой линіи отъ Лозена, графа Д'Орсэ, Рожэ де Бовуара и отчасти даже Барбэ Д'Оривилльи, и началъ удивлять Парижъ необычайнымъ покроемъ своихъ сюртуковъ и цвѣтомъ и формой своихъ галстуховъ, выкроенныхъ изъ старыхъ юбокъ его прабабки, супруги маршала Кастеллана. Впрочемъ, это было, кажется, единственное, что онъ унаслѣдовалъ отъ этой почтенной дамы.

Но прошло нѣсколько лѣтъ и звѣзда графа Бони стала меркнуть. Миновали годы умопомрачительныхъ сюртуковъ и галстуховъ, графъ Бони получилъ разводъ и принужденъ былъ довольствоваться какими-то несчастными 12 тысячами франк. въ годъ... Парижъ лишился своего традиціоннаго арбитра элегантности. Нѣсколько лицъ попытались привлечь на себя вниманіе и заставить Парижъ говорить о себѣ; но они вскорѣ же были свергнуты и позабыты. Тогда-то вдругъ и вынырнула въ самомъ центрѣ свѣтскаго и главнымъ образомъ французскаго Парижа (такъ какъ есть Парижъ космополитическій, англо-саксонскій, въ которомъ французская элегантность не имѣетъ большого успѣха) фигурка Андрэ Бекъ де Фукьера.

Никто, собственно, не зналъ, откуда и какимъ образомъ онъ появился. Одни говорили, что онъ прошелъ не параднымъ ходомъ, во время званаго вечера. Другіе увѣряли, что видѣли его дирижировавшимъ котильонами на нѣкоторыхъ свѣтскихъ балахъ, третьи вспомнили, что встрѣчались съ нимъ въ роялистическихъ комитетахъ и модныхъ ресторанахъ,—но такъ какъ онъ былъ тутъ, и собственно никому не мѣшалъ, то его и оставили тамъ, куда онъ прошелъ. Вскорѣ же хозяйки дома замѣтили, что никто лучше его не умѣлъ дирижировать танцами, а мужья признали за нимъ солидныя антикварныя познанія и артистическія наклонности и всѣ очень милаго и услужливаго и открытаго человѣка. Послѣ этого

его фамилія стала все чаще и чаще появляться на страницахъ „Figaro“ и „New-Iork Nerald'a“. Когда же нѣкоторыя высокопоставленныя дамы, вродѣ г-жи Юзъ-Халеттъ, „царицы Динара“ стали приглашать его къ себѣ на дачу въ Динаръ, въ Довилль или въ замокъ въ Бретани, то онъ вскорѣ же превратился въ парижскую знаменитость.

На самомъ дѣлѣ никто въ парижскомъ обществѣ не принималъ его въ серьезъ и понадобились рекламы газетъ, чтобы люди повѣрили, что Фукьеръ,—второй Джоржъ Брюммель. Этотъ успѣхъ, сдѣланный услужливой прессой, помогъ ему очаровать многихъ богатыхъ иностранцевъ, между прочимъ знаменитаго магараджу Капунталы, пригласившаго его на свадьбу своей дочери въ Индію.

Поѣздка Фукьера въ Индію была коронованіемъ его свѣтской карьеры. Послѣ этого онъ сталъ провозглашать въ своихъ публичныхъ лекціяхъ великія истины, подслушанныя имъ въ кружкахъ молодыхъ парижскихъ эстетовъ, художниковъ и критиковъ, или выписанныя изъ книгъ старыхъ и новыхъ теоретиковъ красоты, изящества и прелести бытія. Въ результатѣ появилась книга „De la Mode, de l'élegand et de la charize“ подражаніе блестящимъ и остроумнымъ статьямъ и замѣткамъ о женской и мужской модѣ о дендизмѣ, о „savoir vivre“ и пр. подписаннымъ Жакомъ и Марселемъ Буланжэ, Бутэ де Монвелемъ, Жоржемъ Лепапъ и другими молодыми писателями и художниками—утончающими, варьирующими и комментирующими французскій вкусъ вдали отъ праздной и легковѣрной толпы.

* *

Таково прошлое Андрэ де Фукьера, посѣтившаго насъ нѣсколько дней тому назадъ. Я былъ на двухъ его лекціяхъ и могу съ увѣренностью сказать, что „фукьеризмъ“ (явленіе еще менѣе симпатичное, чѣмъ футуризмъ) „n'est pas un objet d'exportation“, какъ говаривалъ Гамбетта. Вѣроятно, подобнаго же мнѣнія были и тѣ немногочисленные посѣтители этихъ „конферансъ“, принадлежащіе однако къ сливкамъ нашего дипломатическаго міра и аристократическаго общества, такъ какъ на ихъ лицахъ все время читалась скука и онѣ оживлялись только по окончаніи лекціи, когда показывались свѣтовыя картины.

Впрочемъ, арбитръ французской элегантности, видимо, только старался заполнить чѣмъ попало длинный промежутокъ времени, отведенный подъ лекцію и ни о чемъ другомъ не думалъ. Онъ началъ было говорить о широкой величавой Невѣ, о прелести русскихъ женщинъ, но сейчасъ же перескочилъ на „Thé Tango“ и не успѣвъ его допить, заболталъ о марабу и эгреткахъ, о римскомъ папѣ и авіаціи, о Людовикѣ XV и о адюльтерѣ и все это безъ всякаго плана, ни къ селу, ни къ городу, va comme je te pousse... какъ говорятъ сами французы. Подъ конецъ, набравшись воздуха и смѣлости, г. де-Фукьеръ, подобно голосу, извѣщавшему 2000 лѣтъ назадъ греческихъ моряковъ, плывущихъ вдоль береговъ Коринфскаго залива, о смерти великаго Пана, возвѣстилъ міру на углу Морской и Вознесенскаго проспекта, печальную новость о близкой кончинѣ несравненнаго Танго.

Вторая „конферансъ“ была занята чтеніемъ вырѣзокъ „Figaro“, „La Vie parisienne“, „Chiffons“, „Les Modes“, „Femina“ и другихъ подобныхъ же періодическихъ изданій, впрочемъ безъ указанія источниковъ.

Оба эти раза на г. де-Фукьерѣ былъ надѣтъ черный сюртукъ, застегнутый на двѣ пуговицы и бѣлый жилетъ. Вокругъ его шеи красовался невѣроятныхъ размѣровъ темный галстухъ, повязанный пластрономъ. Воротникъ сюртучка былъ скроенъ, немного, въ видѣ хомута и чуть чуть подымался на затылкѣ, а лаковые башмачки съ сѣрыми гетрами нѣсколько напоминали обычную обувь блаженной памяти Литтль-Тича.

Конечно, я знаю, что все это не такъ неважно, что нужно имѣть спеціальный складъ ума знаменитаго въ свое время Джона Вильямса, основателя „Tailor and Cutter Magazine“, ничего другого невидѣвшаго вокругъ себя, кромѣ сюртуковъ и брюкъ, чтобы искренно оплакивать и возмущаться этимъ отсутствіемъ вкуса, но для человѣка, избравшаго своей спеціальностью „фэшіонъ“ и „дендизмъ; для такого человѣка малѣйшее „foute de gout“ своего рода, потерянное сраженіе, своего рода Трафальгаръ, Ватерлоо, Седанъ.

Русскій парижанинъ.

Андрэ Бэкъ де-Фукьеръ.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Бритый молодой человѣкъ въ сѣрыхъ [illegible] сказать:

— „Въ Парижѣ бросаютъ afternoon tea! Теперь [illegible] „отъ четырехъ до шести“ подавать фрукты и легко[illegible]

Пожилой господинъ въ обыкновенныхъ [illegible]

— „Это та мода, которая слишкомъ модна [illegible] принятой... Это выдумываютъ газетные фел[illegible] хватаетъ темъ... Вы знаете, что среди англійскихъ офиц[illegible]тается не совсѣмъ приличнымъ надѣвать при шт[illegible] галстуки: слишкомъ модное бываетъ иногда хуже, чѣмъ [illegible] немодное“.

„Совершенно вѣрно! помните „jupes-culottes“: онѣ были послѣднимъ крикомъ моды, ихъ усиленно „пуссировали“ всѣ пар[illegible]скіе портные... и ничего не вышло. Есть мода и мода“.

добавилъ собесѣдникъ въ жакетѣ, но съ пристяжными манжетами.

TIR AUX PIGEONS.

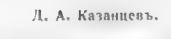
[illegible]ицій сезонъ садочной стрѣльбы въ Петербургѣ проте[illegible] съ небывалымъ оживленіемъ. Въ воскресенья и празднич[illegible]дни разыгрываются призы при участіи не меньше 15 стрѣл[illegible]смэновъ, а въ дни между состязаніями стрѣлялось не [illegible].

[illegible] сезона можно назвать К. И. Иваницкаго, который взялъ [illegible] количество призовъ; нѣсколько призовъ досталось гр. П. М. Стенбоку, Д. А. Казанцеву, Б. А. Биваровичу и др. [illegible]твенная дама, принимающая участіе въ садкахъ и достаточно извѣстная въ Петербургскомъ обществѣ какъ искусный стрѣлокъ на охотѣ, М. Е. Ватковская, тоже не осталась за флагомъ, выигравъ одинъ изъ призовъ этого сезона.

Въ стрѣльбѣ на матчи побѣдителемъ оказался Д. А. Казанцевъ, стрѣлявшій три матча: два изъ нихъ съ Иваницкимъ и послѣдній, 28-го января, втроемъ съ бр. Розенвертъ и Иваницкимъ. Несмотря на великолѣпную стрѣльбу своихъ противниковъ, Казанцевъ выигралъ всѣ три матча. Кромѣ того Казанцевъ долженъ былъ стрѣлять матчъ въ Москвѣ съ лучшимъ стрѣлкомъ Московскаго стэнда, Шуцманомъ. Спортивный интересъ этого состязанія былъ бы большой, ибо результатъ опредѣлялъ бы и лучшаго стрѣлка Россіи. Къ сожалѣнію, матчъ не состоялся по болѣзни Шуцмана.

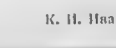
Стрѣляли также матчи: Синельниковъ, Спечинскій и Калашниковъ; Нератовъ съ Синельниковымъ, Хрѣновъ съ Делькруа. Побѣдили Калашниковъ, Нератовъ и Делькруа.

Деказъ.

Д. А. Казанцевъ.

К. И. Иваницкій.

Группа, снятая въ одинъ изъ послѣднихъ садочныхъ дней на Крестовскомъ стэндѣ.

Въ центрѣ выигравшій призъ гр. П. М. Стенбокъ. Слѣва на право: гг. Лихаревъ, Иваницкій, гр. Шуваловъ г-жа Ватковская, Калашниковъ, Поклевскій-Козелъ, Синельниковъ, Нератовъ, Синозерскій, гр. Стенбокъ (въ рукахъ призъ), Рыжовъ, Воронинъ, Сутамъ, Казанцевъ, Ватковскій и (на половину вышелъ) Хрѣновъ.

М. И. Лазаревъ.

Е. И. Лазарева.

ПЯТНАДЦАТИЛѢТІЕ СКАКОВОГО ДѢЛА М. И. и Е. И. ЛАЗАРЕВЫХЪ.

Въ 1913 году исполнилось 15 лѣтъ спортивной дѣятельности Михаила Ивановича и Евгеніи Ивановны Лазаревыхъ и свыше 10 лѣтъ ихъ конnозаводской дѣятельности.

Малиновые камзолъ и рукава и черный картузъ безспорно самые популярные цвѣта на ипподромахъ обѣихъ столицъ. Этимъ цвѣтамъ большая публика, посѣщающая наши скаковые ипподромы, вѣритъ безусловно. Трудно себѣ представить какое-либо классное скаковое испытаніе въ Россіи и отсутствіе въ немъ Лазаревскихъ малиновыхъ цвѣтовъ...

Впервые эти цвѣта появились въ 1899 году. М. И. Лазаревъ, въ то время еще начинающій охотникъ, сразу обнаружилъ большой размахъ и въ первый же годъ, имѣя почти однихъ двухлѣтокъ, выигралъ два классныхъ приза — въ честь Великаго Князя Сергѣя Александровича въ Москвѣ на гн. ж. „Смайкѣ" и „Большой Варшавскій", двухлѣтній же, на гн. ж. „Вудденѣ", за которымъ „Смайкъ" былъ вторымъ — оба сыновья знаменитаго „Рулера".

Уже со второго года своего существованія конюшня Лазаревыхъ занимаетъ первое мѣсто и, фактъ небывалый въ цѣломъ мірѣ, неизмѣнно удерживаетъ его далеко впереди остальныхъ русскихъ конюшенъ въ теченіе 12 лѣтъ; только два года, 1901 и 1902, эта конюшня была на второмъ мѣстѣ. Максимальнаго выигрыша, около 380.000 руб., конюшня достигла въ 1913 году, занимая по суммѣ выигрыша второе мѣсто въ Европѣ. То же мѣсто она занимала въ 1912 году.

За пятнадцать лѣтъ, съ 1889 [illegible] тельно, конюшня выиграла свыше [illegible]

Въ первые годы своего существ[illegible] Лазаревыхъ должна была выдержа[illegible] конкуренцію польскихъ конюшен[illegible] рыхъ въ то время еще блистали конюш[illegible] Грабовскаго и другихъ.

Малиновые цвѣта извѣстны не въ однѣхъ сто[illegible]цахъ: ихъ хорошо знаютъ въ Варшавѣ, Харьковѣ и Ростовѣ на Дону.

Первая побѣда русской лошади за границей [illegible] побѣда „Сатира" Лазаревыхъ въ Вѣнѣ.

Съ 1903 года начинается и заводская дѣятельность М. И. и Е. И. Лазаревыхъ, столь же успѣшная, какъ и спортивная. Питомцы этого завода выиграли уже свыше 1,5 милліоновъ рублей.

Въ настоящее время Лазаревы имѣютъ одинъ чистокровный заводъ въ имѣніи „Старая Весь" въ Варшавской губ. и другой въ „Абазовкѣ" Полтавской губ.; кромѣ того для обновленія русскаго чистокровнаго дѣла лучшими кровями Англіи и Франціи они же устроили два большихъ заводскихъ отдѣленія за границей: одно въ Ньюмаркетѣ и одно подъ Парижемъ. То, что дѣлалось раньше лишь какъ рѣдкое исключеніе, было введено Лазаревыми въ строгую систему по опредѣленной программѣ.

Перечислять всѣ тѣ успѣхи, которые достигнуты этой скаковой конюшней, не представляется прямо возможнымъ — они слишкомъ многочисленны; доста-

...бѣдитель Всероссійскаго ...трехлѣтнихъ классныхъ ... 1903 года.

„Демосфенъ", послѣ выигрыша Дерби.

„Айришъ-Ласъ", непобѣжденная въ двухлѣтнемъ возрастѣ въ 1913 г.

„Серенада", послѣ выигрыша „трехгорнаго" приза.

„Даріалъ", побѣдитель Николаевскаго „приза Сравненія" въ Спб. въ 1910 году.

точно отмѣтить, что Лазаревы выиграли: 5 разъ Императорскій призъ въ Москвѣ въ 1903 г. на „Лоринѣ", въ 1905 г. на „Кулоденѣ", въ 1907 г. на „Гальти-Боѣ", въ 1910 и 1911 гг. на „Эпинарѣ";

4 раза Императорскій призъ въ С.-Петербургѣ: въ 1905 г. на „Кулоденѣ", 1906 и 1907 гг. на „Гальти-Боѣ" и въ 1908 г. на „Уздѣ";

5 разъ призъ Государыни Императрицы въ Москвѣ: въ 1903 г. на „Айришъ-Ладѣ", въ 1906 г. на „Гомѣ", въ 1907 г. на „Уздѣ", въ 1910 г. на „Даріалѣ" и въ 1913 г. на „Дарвинѣ";

8 разъ призъ Государыни Императрицы въ С.-Петербургѣ: въ 1900 г. на „Смайкѣ", въ 1903 г. на „Айришъ-Ладѣ", въ 1904 г. на „Кароли", въ 1905 г. на „Галилеѣ", въ 1907 г. на „Уздѣ", въ 1909 г. на „Сократѣ", въ 1911 г. на „Флореалѣ" и въ 1913 г. на „Демосфенѣ";

„Зейтунъ", побѣдитель Большого Международнаго приза въ Москвѣ въ 1912 г.

„Дарго", побѣдительница „Спеціальнаго четырехлѣтняго" приза въ Спб. въ 1913 г.; вторымъ „Грогъ".

„Узда", побѣдитель всѣхъ классныхъ двухлѣтнихъ призовъ въ 1906 году и призовъ Государыни Императрицы и Варшавскаго Дерби въ 1907 году.

„Гамлей", побѣдитель приза Государыни Императрицы въ СПБ. въ 1905 году.

„Героинъ", побѣдительница всѣхъ классныхъ двухлѣтнихъ призовъ.

„Мамуръ", побѣдитель Всероссійскаго Дерби 1912 года.

„Гальтибой", побѣдитель многихъ классныхъ призовъ въ 1904, 1905, 1906 и 1907 гг.

„Smike", побѣдитель Варшавскаго Дерби и приза Государыни Императрицы въ 1900 г.

7 разъ Всероссійскій Дерби: въ 1903 г. на „Айришъ-Ладѣ", въ 1904 г. на „Кулоденѣ", въ 1907 г. на „Каунтѣ", въ 1908 г. на „Галопѣ", въ 1911 г. на „Флореалѣ", въ 1912 г. на „Мамурѣ" и въ 1913 г. на „Демосфенѣ";

8 разъ Варшавскій Дерби: въ 1900 г. на „Смайкѣ", въ 1903 г. на „Айришъ-Ладѣ", въ 1904 г. на „Кароли", въ 1905 г. на „Гальти-Боѣ", въ 1907 г. на „Уздѣ", въ 1908 г. на „Гавоттѣ", въ 1911 г. на „Флореалѣ" и въ 1913 г. на „Демосфенѣ".

Почти 80% ежегоднаго выигрыша конюшни, начиная съ 1910 г., падаетъ на питомцевъ собственнаго завода Е. И. и М. И. Лазаревыхъ: „Флореаль", „Демосфенъ", „Зейтунъ", „Дарго", „Даріалъ", „Булатъ", „Маратъ", „Протей", „Серенада", „Дарвинъ", „Арасханъ", „Морни", „Саулъ", „Сатурнъ", „Эпинаръ", „Брама", „Ониксъ", „Гавоттъ", „Героинъ", „Галилей", „Таисъ II", „Радда", „Каскадъ" — вотъ тѣ классные экземпляры собственнаго завода, которые являются истинной наградой коннозаводчику за постоянное стремленіе создать лучшее.

Результатъ какъ коннозаводской, такъ и спортивной дѣятельности—совершенно исключительный, и его могли достигнуть только тѣ, кто вкладывалъ въ дѣло душу, энергію, здоровье и средства.

Нашъ извѣстный Московскій журналъ „Коннозаводство и Спортъ" совершенно правильно, по случаю пятнадцатилѣтія существованія конюшни Лазаревыхъ, отмѣтилъ, что въ области спорта и коннозаводства такой періодъ времени стоитъ гораздо большаго количества лѣтъ въ другой области, гдѣ нервное напряженіе менѣе интенсивно, темпъ жизни много умѣреннѣе, случайности рѣже и какъ-то менѣе чувствительны.

Условія же, въ которыхъ протекла спортивная жизнь для Лазаревыхъ, были при этомъ еще совершенно особенныя. Эта была безконечная борьба, стихшая лишь за послѣдніе два года. Одно время старались доказать, что появленіе, такъ называемой „доминирующей", конюшни должно вредно отразиться на общемъ состояніи чистокровнаго дѣла въ Россіи. Дѣйствительность же показала какъ разъ обратное: необычайный успѣхъ вызвалъ подражателей, не останавливающихся передъ огромными затратами, дѣло развилось до чрезвычайности. Если когда-нибудь Лазаревымъ надо будетъ сойти со сцены, они могутъ съ полнымъ удовлетвореніемъ сказать: чистокровное дѣло въ Россіи двинулось впередъ и возвращеніе его вспять невозможно.

Въ государственныхъ конскихъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи уже сейчасъ не менѣе 40 производителей—питомцевъ завода и конюшни Е. И. и М. И. Лазаревыхъ. Значительное ихъ число обслуживаетъ также и частные заводы.

Производители собственнаго завода въ Старой Веси знаменитый „Флореаль", а въ Абазовкѣ—цѣлое депо жеребцовъ, въ томъ числѣ дербисты: „Галопъ", „Кулоденъ", „Мамуръ" и не менѣе ихъ извѣстные сынъ „Гальти-Мора"—„Галилей" и сынъ „Перта"—„Протей".

***

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ
СЕКРЕТЪ УСПѢХА КРАСОТЫ
И ГРАЦІИ ФОРМЪ
ОБРАТИСЬ КЪ
МАРКУСУ ЗАКСУ
45 ЛИТЕЙНЫЙ 45
МАРКУСЪ
ЗАКСЪ
КОРСЕТЫ
ВСЕГДА
ПОСЛѢДНІЯ
НОВОСТИ
МОДЫ
ТРЕБУЙТЕ

МАРКУСЪ
ЗАКСЪ